

2296

Основные издания: «Рассказы», «Трещина», «Панька-генерал», «Жажда», «Стефка», «Петушок», «Деревня Иванова», «В тылу врага» и др.

ВЫСОТА

Брату Александру

Я лежал рядом со Звонковым. С самых первых дней наступления, а дивизия начала его недавно, я как-то прилепился к младшему лейтенанту, все время с ним да с ним - стал вроде бы его тенью.

Река текла неподалеку. Слышно было, как она шумела, как волны поблескивали, шарились у берегов.

Звонкова позвали к комбату. Он вернулся и говорит:

- Батальону приказано форсировать Рабу с ходу и захватить на том берегу плацдарм. Никаких плавсредств нету. Строить их некогда. Будем нырять.

- А глубоко?

- Где как. Но ясно, что в местах, где брод, огонь будет сильнее. Знаешь, Андрей, позови-ка всех комсомольцев из второй и третьей рот. А сам я пойду за ребятами в первую.

Прямо в кустиках Звонков открыл комсомольское собрание. Он говорил о боевой задаче, поставленной перед батальоном. Комсомольцы должны первыми кинуться в реку, показать пример другим. А на том берегу действовать дерзко и быстро, не дать противнику опомниться.

Не успели люди разойтись, как прибежал связной от комбата и передал приказание сниматься, идти вперед.

Звонков, не мешкая, побежал к реке. Теперь уж не надо было маскироваться, наступление началось, и он кричал во все горло: «За мной! За мной!» И мы бежали за ним и за командиром взвода.

Вот и река. Я увидел, как Звонков плюхнулся в нее с разбегу. Я кинулся за ним. Меня сразу обдало жгучим, как огонь, холодом. Шага три от берега я все-таки сделал, потом оступил-

ся и по макушку оказался в воде. Я захлебнулся, вынырнул, кое-как отплевался, отфыркался и снова пошел вниз, ко дну. Оно было не так уж и далеко, но вода опять накрыла меня с головой. Я успел сделать по дну шага два и начал отталкиваться руками, чтобы всплыть.

А немцы уже ударили по реке и по нашему берегу. Огонь, правда, не прицельный, потому что ночь. Я на секунду высываю лицо, чтобы заглотнуть воздуха, и слышу, как с того берега нахлестывает пулемет. А мины над водой так ухают, так булгачат воду, что, кажется, вся река должна сейчас закипеть.

Опускаться на дно не очень весело: не выдержишь, хлебнешь водички и останешься там навсегда, и даже жестяной звездочки над тобой не будет. Но и высываться из воды тоже не мед.

Звонкова я давно потерял из виду. Жив ли? Может, утонул?

Скребусь. Стиснул рот, торчком иду на дно, делаю по грунту шаг, два, три, а когда чувствую, что вот-вот разорвусь, начинаю отталкиваться ногами от дна, гоню руками воду под себя, чтобы скорей оказаться наверху. Хочется подышать подольше, набраться сил, но все на мне такое свинцовое, - сапоги, гимнастерка и брюки, автомат, диски, гранаты - что я сразу иду опять вниз...

Нам говорили, что ширина реки метров семьдесят. Мне показались они за семьсот.

Я обессилел. Голова уже не держится над водой, один нос высываю, как утка.

А все-таки пригодилась мне тренировка, которую получил в детстве и юности. Бывало, начнем купаться на нашей речке Журавлихе, я прямо с ветлы, что стоит над крутобережьем, бух в воду - и пошел дном... Вынырну на другом берегу тихонечко, где-нибудь под кустом. Друзья тревожатся: «Где он? Не утонул ли?» А я высуну одно только лицо, дышу, ухмыляюсь: «Пусть поволнуются!» Долго быть под водой - это среди нас, пацанов, считалось особым шиком.

Произошло чудо: я добрался до берега и хлюпнулся около него. Ноги мои еще в реке, но все остальное - на твердой земле. Я мог дышать сколько захочу. Оказывается, какое это удовольствие - дышать!

По реке продолжал поливать пулемет, там и тут рвались мины. Я лежал под крутым берегом, на узкой, в три шага, песчаной полоске: пули меня не могли достать, но от осколков я и здесь не был застрахован.

Я ощупал себя: диски и гранаты целы.

Выплыл ли кто на этот берег? Я вскочил, размял плечи. Холодно, черт возьми, зубы надо сжимать, чтобы не выбивали

чечетку. Все тело у меня отерпло, и только в левой стороне груди я чувствовал что-то теплое и живое.

Пошел вниз по течению. Слышу шуршанье сапог впереди. Ага, кто-то все-таки есть! Мы молча и осторожно сходимся.

- Ты, Крапивин? - тихо спрашивает человек, и я узнаю голос Звонкова.

- Живой, товарищ комсорг?!

- Как видишь.

Звонков по званию был младший лейтенант, по должности - комсорг батальона. Солдаты любили его. На кухне во время раздачи стоит и заглядывает в каждый черпачок - не жидок ли, не мала ли порция, в бане обязательно осмотрит белье, которое старшина выдает, в самый ли раз оно солдату, и если мало или велико, заставит заменить... Когда мы вступали в бой, Звонков все время торчал среди нас, солдат: подойдет к каждому, поговорит, у пулеметчиков сектор обстрела посмотрит...

Запомнился мне и случай во время учебных прыжков (нас готовили как десантников, а воевать вот пришлось обыкновенными пехотинцами).

Звонков, комсорг батальона, прыгал чуть ли не с каждым взводом, хотя мог бы этого не делать. Каждый раз в бригаде после прыжков заунывно рыдал оркестр, трещали жидкие салюты на воинском кладбище - хоронили одного или двух разбившихся солдат.

Кто никогда не прыгал, тот считает, что главное - первый прыжок, а уж потом, дескать, все пойдет как по маслу, страху никакого не будет. Если бы так! При каждом прыжке, первом или двадцатом, сам с собой воюешь, со своим страхом. Конечно, первый прыжок труднее. Я вот в первый раз так и не прыгнул: в самолете вцепился в поручни намертво и не мог оторвать рук. Командир взвода лейтенант Путинцев стоял у меня за плечами, страшно ругался, грозил всеми карами, пытался выпихнуть из самолета... Так со свернутым парашютом в самолете я и вернулся на землю. Подходит ко мне Звонков, который уже успел прыгнуть с первым взводом.

- Ты что, Крапивин, заболел, что ли?

Я пожал плечами, похлопал глазами.

- Да вроде здоров.

- А если сейчас с тобой взлетим - прыгнешь?

Я замялся.

- Попробую, - сказал я.

- Ну а если точно?

- Прыгну, товарищ младший лейтенант!

Решительности моей хватило ненадолго. Как только «Дуглас» зашел на прыжок и открылись дверки, у меня снова все внутри закричало: «Не могу, не могу! Как полечу в эту пропасть? Пусть переводят в другую часть!»

Звонков сидел рядом и посмеивался. В эти минуты я ненавидел его. «Что человеку надо? Обязательно хочет меня угробить. И еще улыбается».

- Я прыгну вслед за тобой, - говорит он. - Вдвоем лететь веселее. Ну садись, а потом оторвешься.

Я сел и ноги свесил, но кинуться вниз не могу. Потом я все-таки перекинул тело за борт. А руками держусь. Не могу разжать их, хоть убей. Звонков вроде нечаянно придавил сапогами мои руки, от страшной боли я заболтал ногами.

- Не дави, гад! - закричал я и с этими словами отвалился от самолета...

У меня все замерло в груди, отключилась голова, я оглох, но это было совсем недолго. Трос натянулся, выдернул чеку из кольца - и парашют раскрылся.

Я осмотрелся. Живой, черт возьми! Сработала система. И тут я почувствовал себя каким-то богатырем, сильным и смелым. Мне захотелось петь. Но песни почему-то я никакой не вспомнил и запел такое:

Сработала система.

Сра-бо-та-ла сист-е-е-ма!

Звонков никому не рассказал о том, как я в самолете праздновал труса, это осталось нашей тайной, и я мысленно много раз говорил «спасибо» своему «небесному крестному». Следующие прыжки я делал уже без понуканий, вместе со всеми.

...Звонков стоял передо мной, и с него, как и с меня, стекла вода.

- Что будем делать, Крапивин? - спросил он.

- Загорать, - ответил я повеселее. - Вдвоем что мы сделаем?

- Поищем других.

Мы пошли по берегу и вскоре наткнулись еще на двух солдат - Попова и Гурзо. Пока говорили с ними, подошел Курочкин, автоматчик из второй роты, очень низкий, прямо шарик какой-то. В роте его звали: «Тридцать килограмм с автоматом».

- Диск утопил, - пожаловался он. - Нахлебался, кое-как вылез.

- Нас пятеро, - сказал Звонков. - Будем занимать плацдарм, пока они не совсем опомнились. - И пошел. Мы за ним.

Наступать впятером? Командир нашего взвода лейтенант Путинцев едва ли сунулся бы вперед с таким составом. Он бы весь

взвод собрал. А Звонков прет и с четырьмя солдатами. Получается, что нас вроде бы никто не заставляет наступать, мы сами до этого додумались. И это нам нравится, и хочется попробовать, как это у нас получится.

Звонков остановился напротив того места, откуда с высокого обрывистого берега раздавались пулеметные очереди.

- Приготовить гранаты, - шепчет он.

И сейчас же сам размахивается. Я услышал щелчок его гранаты, потом взрыв - там, наверху. На нас полетели комья земли. Пулемет сразу умолк. Мы с Гурзо тоже кинули вверх по гранате.

После взрывов прислушиваемся: ни стопа, ни крика.

- Лезем! - сказал Звонков.

Мы хватаемся за землю, за корневища, за выступы и комья, карабкаемся на высокий берег. Наверху мы прилегли и дали по нескольку очередей. До нас доносится топот, возня, какие-то команды и крики.

На небе чуть-чуть угадывается горизонт с высоткой посередине.

Мы поползли по сырой лощине. Пригибаем головы, потому что свистят и повизгивают пули. Трассирующие прочеркивают темноту в разных направлениях.

Ко мне «подкатывается» шарик - Курочкин: «Гурзо убило, не дышит!»

Я передаю его слова Звонкову. Комсорг молчит. Потом спохватывается: «Диски у него взяли?» - «Не знаю. Сейчас сам возьму».

Оказалось: один диск уже весь расстрелян. Держимся кучно, рядышком, боимся потерять друг друга.

За какие-то считанные минуты мы вроде бы породнились, срослись друг с другом, словно не четверо нас, а один человек с четырьмя сердцами, которые стучат удар в удар. А самая большая моя любовь - Звонков. Сердце готово разорваться от преданности ему!

Подползаем к линии окопов. «Гранатами - и «на ура», - шепчет Звонков.

Взрывы поднимают грязь, воду, все это летит на нас. Но очищаться нам некогда - мы соскакиваем, орем и врываемся в окопы.

Под ногами валяется убитый. Мы ходим по грузному трупу, бегаем вправо-влево, ограждаем себя огнем.

- А ну, давайте еще вперед! - говорит Звонков, и мы опять бежим, стреляем и влетаем в какую-то траншею. Воды в ней - по брючный ремень. Мы находим место посуше.

- Передохнуть надо, товарищ младший лейтенант! - просит Попов. Он тяжело, с хрипом дышит.

- Надо, - соглашается Звонков. - Давайте так: ты, Попов, справа, ты, Курочкин, слева, я наблюдаю за высотой, а Крапивин - за тылом. По местам!

Мы немного разбрелись или, как говорят военные, рассредоточились. Каждый всматривается и вслушивается в свою сторону. Стреляют отовсюду.

Мы расшевелили немцев, а теперь вся их оборона тут спутана...

Долго мы так стоим. Мерзнем, колотит каждого, как в лихорадке. Вдруг я слышу: что-то шуршит впереди, какая-то темная масса движется к нам от реки. Я докладываю Звонкову.

Мы сбиваемся в кучку и, не дыша, смотрим в темноту. Когда группа подходит ближе, Звонков кричит:

- Стой, кто идет?

Молчат.

- Отвечайте, будем стрелять!

Ни звука.

- Последний раз спрашиваю!

Там зашептались, забормотали. Группа разбегается.

«Огонь!» - кричит Звонков, и мы стреляем.

- Расшерудили мы их, вот они и мечутся, - шепчет Звонков. - Как слепые котята.

Ждем рассвета, задубели. От реки, как что-то живое, ползет к нам на холм апрельский туманец, оседает на глиняном валу.

Внизу снова показываются какие-то фигуры. Я кричу:

- Стой! Кто такие? Русские? Немцы?

- Свои! - отвечают из тумана. - Лейтенант Путинцев.

Мы вскакиваем им навстречу. Руки жмем, по плечам хлопаем. Лейтенант привел с собой двадцать человек. Автоматы, пулемет, два противотанковых ружья. Сила! От радости хоть пляши без гармошки.

Все разместились в нашей траншее, говорили громко, шумно, будто рядом и немцев не было. А все же Звонков влево и вправо по траншее выслал посты - Курочкина и Попова. Надежные ребята.

Разговариваем, курум. Оказывается, многие солдаты табачок держат в резиновых кисетах. Вдруг (на войне почти все случается «вдруг») донесся до нас долгий, бешеный, смертельный крик. У меня мороз пробежал по коже. Мы все кинулись по траншее на этот крик и наткнулись на Курочкина. С окровавленной финкой он стоял над убитым немцем.

- Напугал меня, гад, - говорил он, и губы у него дрожали. - К нам шел.

- А почему живым не взял? - строго спросил лейтенант Путинцев.

Курочкин виновато пожал округлыми плечами, согнулся и стал еще ниже. Глаза у него расширены, как у сумасшедшего, и губы белые, и лицо - как простыня.

- Испугался, товарищ лейтенант, виноват...

Путинцев обшаривает труп, вынимает коричневый бумажник, смотрит документы.

- Пригодится! - говорит он и запихивает трофей в карман своего кителя.

Звонков подковыривает:

- Приколешь к боевому донесению, к победной реляции. - Он едко улыбается.

- Сидеть нам нельзя тут, надо двигаться на самую высоту, на гребешок, - говорит Звонков Путинцеву.

- Лучше бы своих подождать и тогда штурмовать, - возражает лейтенант. - Может, пушки уже переправили.

- Когда они еще подойдут, свои? - говорит Звонков. - Ждать нельзя, время идет, немцы опомнятся и могут столкнуть нас в реку.

- Черт их знает, что у них там, на высоте. Надо бы разведать. Послать группу. Разведку боем провести.

- Ты что, лейтенант? Уж если идти, то всем.

- Где разведка, там и успех, - говорит Путинцев словами из какой-то книжки. - Это же прописная истина, товарищ комсорг!

- Вот именно, - отвечает Звонков. - Ладно. Ты с группой оставайся, а мы попробуем шарахнуть их. Только дай нам пулеметчиков и пэтээровцев.

Путинцев молчит. Ни да ни нет. Долго молчит.

- Нет, комсорг, пойдем все! - выдохнул он наконец, как будто сбросил с себя какой-то груз. - Я приказываю взять высоту! - высоким голосом выкрикнул он.

Звонков улыбнулся:

- Ну, потопали! Хватит лясы точить.

Он выпрыгнул из окопа и, не оглядываясь, пошел на высоту. Я не отставал от него ни на шаг. Слышу, за нами поднялись все. Мы бежим рассыпным порядком, стреляем, выкрикиваем потребные и непотребные слова.

Немцы почему-то не очень цеплялись за высоту. Постреляли совсем недолго, и когда мы добежали до их окопов, там уже

никого не было. Отошли фрицы, видимо, в ближайший лесок, а оттуда, по оврагу, в деревню.

Она, эта венгерская деревня с красными и белыми крышами, виднелась верстах в трех отсюда, и из нее доносилось гудение моторов.

В окопах мы начали устраиваться капитально, пошли в ход лопаты. Я прислушивался к моторному реву, как прислушиваются к зубной боли. Неужели в деревне танки?

Ну да, так и есть. Вот оттуда выполз один танк, второй... третий...

Они шли сначала по дороге, и мы еще надеялись, что не на нас они выпущены. Но вот первый круто повернул в нашу сторону, за ним - остальные два... Покачивались длинные стволы их, словно руки с кулаками, которые угрожали нам.

Упал где-то позади окопов первый снаряд, впереди - второй... И началось!

Я стоял рядом со Звонковым. Испачканное, грязное лицо его осунулось, скулы и нос стали угластными, острыми. Красные глаза распахнулись.

Два или три снаряда разорвались близко, окопы дрожали, обваливались.

Около нас оказался Путинцев.

- Надо отходить, - хрипло сказал он. - Мы не справимся. Нужны сорокапятки.

Звонков не повернул к нему головы, он впился глазами в танки.

- Что вы молчите! - закричал Путинцев. - Я отвечаю за людей, а не вы!

Что делать Звонкову? Официально он не командир взвода или роты, приказать солдатам не имеет права. Но ему хочется удерживать высоту, выполнить приказ. И он во всю мочь кричит:

- Гранаты к бою! Пэтээровцам ждать команды! - И побежал по траншее к солдатам.

Я за ним. Я не в силах был оторваться от Звонкова, будто он за эти ночные часы создал вокруг себя какое-то магнитное поле, из которого нельзя было вырваться.

Шагал за нами и Путинцев. Он схватил Звонкова за плечо, зашептал:

- Ты ответишь за гибель людей! Надо отойти к реке, там переправили пушки...

- Замолчи! - Звонков как-то бешено сверкнул красными белками.

- Я доложу о твоём самоуправстве.

Звонков остановился около пэтээровцев, приложился к прицелу.

Танки ползли вроде как-то лениво, нехотя и оттого казались еще более грозными и неуязвимыми. На левом нашем фланге кричал раненый. Визжали осколки и камни.

Теперь нас могли спасти только противотанковые ружья, и поэтому Звонков не отходил от Пеночкина, который лежал у такого ружья.

- Точнее, Пеночкин! - говорил он.

Пеночкин мазал, танки шли.

- Спокойно, спокойно, Пеночкин! Целься лучше, - говорил Звонков. Казалось, Звонков готов был сам полететь вместо снаряда и удариться в танк.

- Есть! - выкрикнул Пеночкин.

Один танк остановился, взвизгнул, как зверь, и из него показался дымок. Потом открылся люк башни, и оттуда начали выпрыгивать танкисты. Они бежали от нас...

О, что тут случилось с нами! Кто во всю глотку кричал «ура!», кто сыпал матерками, кто свистел... А какими длинными очередями заиграли автоматы! Очередь - полдиска, не меньше.

Остановился еще один танк. Третий вдруг круто повернул назад. Мы повыскакивали из окопов, махали автоматами и винтовками.

Все мы словно посходили с ума, готовы были бежать за танками и, наверно, побежали бы, дай Звонков такую команду.

А он скомандовал другое:

- В окопы!

Показалось солнце. Дым стелился по низине. Мы со Звонковым пошли по окопам. Хлопцы отдыхали. Двое раненых приползли. И слышался уже смех. И синел над окопами махорочный дымок, сладкая утеха солдата.

А от реки, из тумана, доносились далекие голоса: полк переправлялся.

Звонков вынул из сумки ракетницу, высоко поднял над головой и выстрелил. Зеленая ракета вспыхнула в небе. Это был сигнал для наших: «Высота взята».

